

Т.В. Федосеева, О.Н. Шанаева

ДУХОВНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ Г.Р. ДЕРЖАВИНА ПОЗДНЕГО ПЕРИОДА ТВОРЧЕСТВА (1790–1810 ГОДЫ)

Статья посвящена изучению духовных воззрений Г.Р. Державина, выраженных в ряде стихотворных и драматических произведений, написанных в конце XVIII – начале XIX века. Впервые в этом контексте рассматриваются его переводы с немецкого языка из Л. Козегартена.

Г.Р. Державин, поэзия и драматургия, вопросы мировоззрения, предромантизм, переводы, сопоставительный анализ.

Своеобразие мировосприятия и самобытность таланта Г.Р. Державина неслучайно привлекали к себе внимание ранее и продолжают быть интересными в наши дни. В его творчестве нашел поэтическое выражение свойственный образованному русскому обществу рубежа XVIII и XIX веков напряженный поиск истинного смысла и цели жизни.

Сложности самоопределения во многом были обусловлены тем, что европеизированный быт просвещенного дворянства противоречил укорененному в национальной православной традиции сознанию. Напряженными духовными исканиями отмечено литературное творчество А.Н. Радищева, Н.М. Карамзина, В.А. Жуковского, других выдающихся представителей порубежного периода. Острые споры и литературные дискуссии затрагивали рационализм просветительской эстетики, которая подвергалась критике с точки зрения вновь открытых идей гениальной одаренности, оригинальности творчества художника и выражения национального сознания в искусстве.

Мир литераторами порубежного периода осознавался существующим во взаимодействии жизненных противоречий, преходящего характера всего сущего на земле и извечной устремленности человека к обретению вечных ценностей. В это время, по справедливому суждению Ю.В. Манна, отчетливо оформились «особого рода оппозиции», которые с течением времени развились в «романтические коллизии»¹.

Державину было чуждо трагическое противопоставление чувственного, рассудочного и духовного в человеке². Он счастливо избежал крайностей увлечения атеизмом вольтерьянства, равно как и мистицизмом масонства. Его мировоззренческая позиция не расходилась с основами христиан-

---

¹ Манн Ю.В. Динамика русского романтизма. М., 1995. С. 16.

² Федосеева Т.В. Теоретико-методологические основания литературы русского предромантизма. М., 2006. С. 44–56.

ского учения, не противоречило ему и увлечение античностью, отмечаемое многими современными исследователями³. Державин совмещал увлечение горацианской эстетикой и этикой, анакреонтикой с платонической идеей служения поэта своему дару и теорией Винкельмана, утверждавшего в качестве условия расцвета культуры Древней Греции личную свободу художника. В творчестве Державина к этому времени сформировался образ свободного поэта, который руководствуется в своем творчестве вдохновением, чувством добра и справедливости.

На это обратили внимание исследователи творчества Державина уже в начале XX века. Н. Вальденберг пришла к убеждению, что в его творчестве было «выражено общехристианское мировоззрение, которого Державин всегда и неизменно держался»⁴. По справедливому суждению Б. Эйхенбаума, «бытие Державина построено на гармонии природы и духа, на их слиянности в огне любви»⁵.

В наше время М. Дунаевым замечено, что «у одного лишь Державина поэтическая мощь и совершенство поэзии так полно и безусловно соответствует избранной теме (теме Бога. – Т.Ф.)» и что всем своим творчеством «Державин познает Бога через познание Его отражения в творении»⁶. В работе И. Александровой мировоззрение Державина соотносится с естественнонаучными и философскими представлениями мыслителей XVIII века – М.В. Ломоносова, И.Г. Гердера, Б. Паскаля. Исследовав сложный вопрос о развитии философской мысли в России на рубеже веков, автор статьи утверждает, что они не противоречили ветхозаветной истине «вездесущего» Бога, воля которого до конца непостижима и само бытие безгранично велико⁷. Рядом современных литературоведов активно исследуется выражение духовного сознания Державина в отдельных поэтических произведениях⁸. Однако изучение этого непростого вопроса представляется нам далеко не полным.

В данной статье решается задача рассмотрения духовных воззрений Г.Р. Державина, выраженных в ряде стихотворных и драматических произведений, написанных в конце XVIII – начале XIX века. Впервые в этом контексте рассматри-

---

³ Кибальник С.А. Русская антологическая поэзия первой трети XIX века. Л., 1990. 269 с. ; Стенник Ю.В. Пушкин и русская литература XVIII века. СПб., 1995. 349 с. ; Казакевич А.А. Концепция человека в «Анакреонтических песнях» Г.Р. Державина : дис. ... канд. филол. наук. М., 1998. 174 с. ; Салова С.А. Анакреонтические мифы Г.Р. Державина. Уфа, 2005. 126 с.

⁴ Вальденберг Н. Державин. 1816–1916. Опыт характеристики его мировоззрения. Пг., 1916. С. 94.

⁵ Эйхенбаум Б.М. Державин // Сквозь литературу : сб. ст. Л., 1984. С. 35–37.

⁶ Дунаев М.М. Православие и русская литература : учеб. пособие : в 5 ч. Ч. 1. М., 1996. С. 89.

⁷ Александрова И.Б. Творчество Г.Р. Державина в литературно-философском контексте эпохи // Филологические науки. 2003. № 2. С. 3–13.

⁸ Телешова Н.К. Ода Державина «Бог» и Эдвард Янг // Державинские чтения : сб. науч. тр. Вып. 1. СПб., 1997. С. 28–34 ; Арефьева Н.Н. Богословские реминисценции в оде Г.Р. Державина «Христос» // Там же. С. 35–52 ; Муравьева М. Державин и его ода «Бог» // Литература. 2000. № 19. С. 11–12 ; Демин А.О. Оперное либретто Г.Р. Державина «Эсфирь» // XVIII век : сб. 22. СПб. : Наука, 2002. С. 358–408.

ваются его переводы с немецкого языка из Л. Козегартена. Убеждение поэта в том, что человеческая природа не исчерпывается физическим и нравственным началом и что во главе всего его духовная жизнь, выразилось в обращении к библейским мотивам и сюжетам как в оригинальных произведениях, так и в переложениях псалмов и в переводах⁹.

Известно, что Державин читал по-немецки сложнейшие стихотворения Ф. Клопштока, Г. Клейста, переводил И.Ф. Шиллера («Лаура за клавесином», 1805), И.В. Гёте («Цепочка», 1807) и других авторов. К позднему периоду творчества относятся также его переводы произведений немецкого поэта Л. Козегартена, творчество которого вызывало живой интерес у русских предромантиков. Сочинения Л. Козегартена переводили Г.П. Каменев (стихотворения «Вечер любезный! вечер багряный...», «Бури свирепством роза погибла...»), легенды «Ралунки», «Ритогар и Ванда» – своеобразные славянские эквиваленты оссианических поэм), Н.М. Карамзин («Могила»).

Я.К. Грот писал о Л. Козегартене как об одном «из самых плодovitых поэтов лучшего периода германской литературы, замечательном разнообразием тонов своей поэзии и обилием ее форм. Он писал и драмы, и романы и пользовался в свое время большой известностью; однако позднейшая критика признала его только первым между второстепенными поэтами той эпохи. По словам Гервинуса, Козегартен плавает по всему морю поэзии и нигде не бросает якоря; только известно, что он вышел из гавани, где стоял Клопшток»¹⁰. Многие стихотворения немецкого поэта были положены на музыку такими композиторами, как Франц Шуберт (1797–1828), Йоган Рудольф Цумштег (1760–1802), К. Геринг (1766–1853), София Мария Уэст-Вуд, урожденная Fritscher (1759–1838) и многими другими.

В 1810 году Г.Р. Державин перевел стихотворение Л. Козегартена «Die Erscheinung» («Явление») и сумел удивительно точно передать интонацию и настроение первоисточника. При этом его стихи звучат более выразительно и проникновенно, чем стихи Козегартена. П.И. Бартенев в своих заметках писал об оригинальном характере стихотворения Державина: «...стихотворение это проникнуто всею искренностью поэтической и истинно-высокой души: так мог писать и чувствовать почти семидесятилетний старец! Заимствование тут не может идти в расчет» (3, с. 745). Державинское стихотворение образнее, эмоциональнее оригинала.

Сравним начало двух стихотворений:

Лежал я на травном ковре зеленом,
На берегу шумящего ручья,
Под тенносивесистым, лапнистым кленом;

Я лежал на зеленой циновке,
У кромки чистого источника;
Тень от ольхи охлаждала

---

⁹ Б.Н. Романовым обнаружено двадцать шесть авторских переложений псалмов, осуществленных в 1780–1790-х годах (Псалтирь в русской поэзии XVII–XX вв. / сост., подгот. текста, вступ. ст. и прим. Б.Н. Романова. М., 1995. 384 с.).

¹⁰ Державин Г.Р. Соч. : в 9 т. / прим. Я. Грота. СПб. : Изд-во Имп. АН, 1866. Т. 3. С. 68. (Далее это издание цитируется с указанием тома и страницы в круглых скобках.)

От зноя не пеклася грудь моя... (3, с. 73)
Г.Р. Державин

Мои пылающие щеки...¹¹
Л. Козегартен

Описание у Державина более живо, детализировано. У него клен «лапнистый» и «тенносвесистый», ручей «шумящий». Пейзаж Козегартена более схематичен. У него просто «источник чистый», вместо описания зеленой поляны упоминается «зеленая циновка». Лирический герой Державина обретает на лоне природы успокоение своему внутреннему душевному волнению («не пеклася грудь моя»), тогда как Козегартен обращает внимание на внешнее выражение некоего внутреннего беспокойства («пылающие щеки»).

Героиня Козегартена просто появляется, у Державина же «из рощи вылетает»:

И се с страны из рощи вылетает
Жена мне юна солнечной красоты!
Как снег, тончица бела обвеваает
Ея орехокурчаты власы

<...>

Она померкла так как лунна ночь... (3, с. 73–74)
Г.Р. Державин

Смотри! В перелеске появилась
Девушка ясная как солнце.
Белая вуаль развевалась
Вокруг ее ореховых волос...

<...>

И взгляд ее стал хмурым...¹²
Л. Козегартен

В описании явления прекрасной девы Державин использует архаическую лексику (вместо «девушка» – «юна жена», вместо «вуаль» – «тончица»). Стилистически он оригинален и не во всем следует за источником. На отступления от источника в тексте стихотворения Державина «Явление» обратил внимание Я.К. Грот. Он следующим образом интерпретирует стихотворение Державина: поэт, строившись «под тенносвесистым, лапнистым кленом», припоминая дела отчизны и то, что претерпел в своей жизни, засыпает на берегу шумящего ручья. Во сне ему видится образ юной жены: «ее орехокурчаты власы», и как «с очей ее блестяща отливалась / Эфира чистого лазурна даль». Не желая отпустить явление, поэт простирает свои объятия, оно же, отдаляясь, «взор важный и глубоко-мудрый свой / С десницею взведя на небо звездно, / – Исчезла предо мной!» (3, с. 74). Очнувшись ото сна, герой Державина осознал, что все в этой жизни имеет преходящий характер. И даже самая красивая жизнь полна испытаний, горестей и слез. А Отечество ему представляется там, куда ушло видение: «Но там, но там с тобой цветет любезно / Отечество мое».

В августе 1810 года Державин написал стихотворение «Проблеск», которое является подражанием пьесе Л. Козегартена «Aussicht». Мысль о вечности, бессмертии человеческой души звучит лейтмотивом двух сочинений. Державину принадлежит литературное изложение, внешняя форма стихотворения, со-

---

¹¹ Козегартен Л. «Die Erscheinung». URL : http://www.recmusic.org/lieder/get_text.html?TextId=9581 (дата обращения : 25.04.11)

¹² Там же.

держание же у него, как и в оригинале, строго согласовано с каноническим учением. Оно представляет собой авторское переложение заповедей блаженства.

Первая заповедь – «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» – о тех людях, которые чувствуют и признают свое несовершенство и недостойнство перед Богом. Помнят они, что без помощи Божией ничего доброго сами сделать не могут, а поэтому ничем не хвалятся и не гордятся ни перед Богом, ни перед людьми. Это люди смиренные. Смирение есть основная христианская добродетель, потому что она есть основание любви и противоположна гордости, а от гордости произошло все зло в мире. У Державина читаем:

Коль не был горд и подл и лишь из самолюбья
Пронырством не пролез вельмож я в сонм,
Но с малых должностей всегда орудье
Был Бога и царя, их чтя закон:
Се зрю, се зрю себя сидящим выше неба
Между князей духов! (3, с. 78).

Вторая заповедь – «Блаженны плачущие, ибо они утешатся» – о тех людях, которые скорбят и плачут о своих грехах. Господь простит им грехи. Он дает им еще здесь, на земле, утешение, а на небе вечную радость. У Державина:

Когда грустил, вздыхал и проливал слез реки,
Что нравов простота и веры луч
В вселенной погасал, и человеки
Творились злей зверей средь бранных туч:
Утешенным себя в эдемских вижу куцах
Средь праотцев моих! (3, с. 78).

Третья заповедь – «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю» – о тех, кто смиренно, не раздражаясь никогда, не позволяют себе ропота не только на Бога, но и на людей. Они силою Божией сохраняются на земле, а в будущей жизни будут наследниками Небесного Отечества, новой земли с ее вечными благами. У Державина:

Коль сердцем кроток, тих, боголюбив душою,
Не тягостен рабам и добр я был,
Доволен отческих полей землею
И жатвой чуждой дух мой не мутил:
Наследию себя взираю награжденна
Небесного Отца! (3, с. 78).

Четвертая заповедь – «Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся» – о людях, которые, сознавая свою греховность, виновность, просят у Бога, чтобы Он очистил их от грехов и помог им жить праведно. Желание таких людей исполнится, они насытятся, то есть будут оправданы:

Когда не царские желал, искал награды,
И мзды чьей за труды, за подвиг мой;
Но домогался лишь везде единой правды,

Считая жребий всех за жребий свой:
Насыщенным себя я вижу правосудьем
От Истины святой! (3, с. 79).

В пятой заповеди – «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» – милосердным людям, сострадательным к другим, готовым всегда помочь нуждающимся, Господь обещает в награду, что они сами будут помилованы Богом:

Коль милостивым всем был, щедрым, милосердным
И бедным завсегда желал помочь,
Стыдился к страждущим глухим быть твердым,
Сирот и вдов не гнал от дома прочь:
О диво! в грозный день, в суд страшный, неумытный
Помилванным зрюсь! (3, с. 79).

Шестая заповедь – «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» – о тех, кто не только явно не грешат, но и не таят порочных мыслей в себе. Людям чистым сердцем Господь обещает в награду, что они увидят Бога.

Когда был сердцем чист, чужд козней и коварства,
Не ставил никому на лов сетей;
Но, искренней душой презря препятства,
Невинных в вред себе спасал людей:
О восхищение! зрю Бога лучезарна
К себе лицом к лицу! (3, с. 79).

Седьмая заповедь – «Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими» – о тех, кто живет со всеми в мире и согласии. Они уподобляются Сыну Божию, Который пришел на землю, чтобы примирить согрешившего человека с правосудием Божиим. Такие люди будут названы сыновьями, то есть детьми Божиими, и будут особенно близки к Богу.

Не из корысти коль себе хвалы и славы,
Но из желания лишь всем добра
Смиреньем укрощав враждебны нравы,
Судил, мирил, на сильных мощь не зря:
О несказанна честь! – за миротворство Божьим
Я сыном наречен! (3, с. 79).

Восьмая заповедь – «Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное», – то есть это истинно верующие люди, живущие по закону Божию, по справедливости, терпят и переносят за эту правду всякие гонения, лишения и бедствия, но ничем не изменяют ей. Они за это получают Царство Небесное.

Коль обносимым был и оклеветан лжами
За то, что истину и правду чтил,
Что Божьими блюдом, храним судьбами
И ими весь мой век поддержан был:
Весельем ангельским, небесным наслаждаюсь

В беседе я святых! (3, с. 79).

Девятая и десятая заповеди – «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня», «Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас» – о тех, которые за имя Христово и за истинную православную веру в Него терпеливо переносят поношения, гонения, бедствия и самую смерть. Господь обещает великую награду на небесах, то есть самую высокую степень блаженства в будущей вечной жизни.

О радость! о восторг! толико быть блаженным,
Что удостоиться взирать Творца
И, светом окружась Его священным,
В чертоге опочить всех благ Отца,
Между своих друзей, родных, поднесь что милы
Так сердцу моему! (3, с. 80).

Тогда-то там, о там! не здешне земно тленье,
Не проходящи сны мирских торжеств,
Но с ликом душ вовек Творцу хваленье
На арфе возглашу в кругу Божеств,
И небо и земля, моря и преисподняя
Послушают меня! (3, с. 80).

Святитель Иоанн Златоуст учил, что «исполняющий Закон Божий и будет жить в Небесном Селении с Богом». И само стихотворение Г.Р. Державина – это вера и надежда человека на то, что он унаследует блаженства рая. Однако в последних двух строфах просматривается характерное для поэта сомнение, сможет ли он выдержать испытания, предназначенные ему, и не оставит ли от его надежда на бессмертие человеческой души.

Приоритет духовного перед телесным находит воплощение и в драматических произведениях Державина 1800-х годов. Рассмотрим ряд произведений, в которых очевидно выражение духовно-нравственных представлений поэта.

Главное действие в «театральном представлении» «Добрыня» (1804) развивается на основе летописных и фольклорных источников, сохранивших память о противостоянии славян времен Киевской Руси многочисленным кочевым племенам, посягавшим на их земли. Тексту предпосылается замечание автора: «Все действия взяты частию из истории, частию из сказок и народных песней» (4, с. 48). Прямое столкновение с татарами в «Добрыне» инициировано вероломным намерением «чипчатского хана» Тугарина завладеть невестой киевского князя Владимира, прекрасной княжной Прелепой. Героический пафос пьесы связан с развитием этого конфликта. Автор указывает и на религиозный аспект действия, которое происходит «при окончании идолопоклонства». Именно последнее замечание Державина дает, на наш взгляд, импульс к выявлению духовного содержания пьесы.

Тугарин собирается подчинить себе русский народ и использует для этого самые низкие средства: притворство, обман, подлог, оговор, интриги. Когда победа не дается допустимыми в условиях честного боя средствами, прибегает к волшебству. Он совмещает в себе черты образа классического злодея с чертами былинного Змея-оборотня и сказочного Змея-Горыныча. Антигерой почти достигает цели в условиях распространенного среди славян суеверия. Они верят в оборотней, в вещие сны. Накануне решающего сражения слуги Добрыни и Прелепы замечают: «На кровле филин там уныло завывал, / В лугах русалки хохотали» (4, с. 93). Русским людям пока неведом «великий Бог», они пребывают во тьме суеверия, чем умело пользуется их враг. В конце пьесы мы узнаем, что «вещий» сон и другие устрашающие знаки были посланы чарами Тугарина.

Помимо основной интриги, выразившейся в противостоянии добра и зла, чести и вероломства, в пьесе обнаруживается скрытая интрига – в противопоставлении лжи «идолопоклонства» и предчувствуемой христианской веры как истинной. Неслучайно завершается пьеса словами волшебницы Добрады о славном будущем России и россиян по принятии ими православия:

Страна сия лучами озарилась,
Несчастья, суеверств, волшебств исчезла тма;
Свет, истина в царях и людях водворилась...
Дрожит наш сонм врагов: Владимир! Ты в лучах! (4, с. 126).

Герои «Добрыни» едва не становятся жертвами обмана. Добрыню и Прелепу, честно послуживших своему народу, приговаривают к казни. Спасение к ним приходит через Владимира, князя, крестившего Русь.

Таким образом, интрига внешнего действия разрешается при акцентированном выделении внутреннего, подспудно развивающегося противопоставления лжи «идолопоклонства» христианской истине. Именно с ней связано восстановление в жизни людей утраченных ими в заблуждении ложного знания добра и справедливости.

В театральном представлении «Пожарский, или Освобожденная Москва» (1806) дана интерпретация исторических событий низложения власти Лжедмитрия в 1612 году. Основной конфликт развивается на фоне одного из самых драматичных эпизодов русской истории. В действии пьесы явно усматривается духовное противостояние двух сторон, которое естественным образом вытекает из основного конфликта.

В системе персонажей противопоставлены образы Пожарского и Марины Мнишек. Как заметил Державин в предисловии, образ Марины отражает сохранившееся в русском народе представление о ней как о «чародейке». Это зло не явное, скрытое. «Бес в светлом ангеле!» – говорит о ней Авраамий Палицын, с которым связана в пьесе идея православного противостояния человеческому воплощению зла. Любовные чары прекрасной полячки и внушаемая ею страсть разрушительны. Так, Заруцкий, забывший ради любви о своем долге перед родиной, восклицает: «По селам брошу огонь, улью Москву всю кровью, / Усею трупами я степь, и вечна мгла / Вослед измене сей, вослед убийству злему / По-

кроет все места...» (4, с. 175). На время под влиянием Марины оказываются и самые надежные защитники Москвы – князья Трубецкой и Пожарский. Первому помогает освободиться от любовного наваждения его патриотическая убежденность, второму – богобоязненность и содействие Палицына.

В «Пожарском» Авраам Палицын является выразителем авторской воли, однако не становится классическим резонером. Он активно действует, способствуя разрешению конфликта: будит заснувшего в «храме любви и утешения» Пожарского, передает Минину церковную казну, в самый напряженный момент битвы за Москву обращается с молитвой к Всевышнему и его горячая молитва способствует тому, что ход сражения меняется. Так, внешнее действие пьесы, развиваясь, вмещает в себя духовное становление патриота и служителя церкви.

Трагедия «Ирод и Мариамна» (1807), написанная на сюжет из древнеиудейской истории, подобно двум вышерассмотренным пьесам, служит раскрытию страшных для человека последствий его духовного несовершенства. Внешнее действие пьесы развивается в противостоянии двух характеров, Соломеи и Мариамны – сестры и супруги царя Ирода. Соломея, стремясь занять место правительницы, все делает, чтобы опорочить в глазах царя его супругу. Зная об их страстной и взаимной любви, она обвиняет царицу сначала в неверности, потом в попытке свергнуть мужа и убить его. Козни Соломеи приводят к гибели Мариамну, однако и Соломея не достигает своей цели.

Внешнее действие в трагедии сопровождается воссозданием переживаемого Иродом глубокого внутреннего конфликта. Он горячо любит свою супругу, однако сомневается в себе и в том, что достоин ее любви, легко поддается минутному настроению, влиянию других людей. Слабость героя в его самолюбии и тщеславии, а это, как известно, свойство незрелых душ. В стремлении доказать свое право быть царем и любимым мужем он неразборчив. Соверн говорит о нем:

Он разумом своим и мужеством кичится,
А наша кровь в войнах не престаёт струиться...
<...>
И с кровью содранных с отечества доходов
Рассыпал тьмами тьмы на роскоши дела,
Чтоб лишь в язычниках неслась о нем хвала:
Богов, чудовищ их, внес даже в дом свой ныне... (4, с. 234–235).

В погоне за всеобщим преклонением и славой Ирод поощряет язычество. Он не последователен в вере и потому ошибается, наивен – и заговорщики легко вводят его в заблуждение. Трагедия Ирода в том, что он становится причиной гибели собственной семьи, любимых супруги и сыновей. Запоздалое раскаяние обрекает его на страшные душевные муки и приводит к сумасшествию.

Итоговым произведением всего драматического творчества Державина стала опера «Эсфирь», работа над либретто которой не была завершена. Научными разысканиями последних лет опровергнуто предположение Я.К. Грота о том, что сохранившийся среди черновиков поэта текст не является ори-

гинальным (4, с. 802–803). Лишь недавно он был подвергнут сравнительному анализу и опубликован по рукописям и спискам с научными комментариями и выводом о том, что «автор обработал библейский сюжет самостоятельно и свободно»¹³.

Действие «Эсфири» показывает, как в сознании древних персов «идолопоклонство» уступает место вере в Единого Бога. Царю Ассуре (это другое имя Артаксеркса) внушается его ближайшим помощником Аманом необходимость полного истребления всех иудеев. Между тем оказывается, что один из них, Мардохей, заслужил своей преданностью величайшую благодарность царя, поскольку спас ему жизнь, раскрыв грозивший потерей трона заговор. Заглавная героиня пьесы иудейка Эсфирь решается спасти свой народ, сознательно жертвуя собой. (С просьбой об отмене приговора она бросается к ногам правителя и касается его обуви рукой, что по законам государства должно повлечь за собой смертную казнь.) Внезапно вспыхнувшее взаимное чувство соединяет самоотверженную иудейку с Ассуром. Царь прозревает, уверовав в Единого Бога. Он встает перед необходимостью отменить или нарушить собственный указ об избиении евреев и впадает в полное смятение, проявляя слабость воли и духа. В отличие от Эсфири он не обладает необходимой ему духовной поддержкой и убежденностью в своей правоте.

В действии «Эсфири» вопрос веры становится центральным. Язычники-персы показаны людьми безвольными, погруженными в телесные удовольствия, живущие в роскоши и праздности. Причина всех несчастий героев – Аман, болезненно самолюбивый и мстительный, ради почестей и богатства он готов погубить целый народ. Разрешение основного конфликта пьесы происходит в результате самопожертвования Мардохея и Эсфири и духовного прозрения Ассура. Трагическая ситуация, угрожающая гибелью им и их народу, разрешается в момент произнесения молитвы к Богу Сиона. В коллизии пьесы благословленная свыше любовь оказывается сильнее самой страшной вражды и приводит всех участников действия к счастливому финалу.

В рассмотренных нами драматических произведениях место и значение религиозного конфликта, изменяясь, возрастает. В «Добрыне» преодоление язычества (идолопоклонства) только намечено. Невинно страдающие герои, не являясь формально христианами, по сути своих поступков и отношению к миру готовы смиренно принять даже незаслуженную кару. В самый трудный для себя момент Прелепа обращается за поддержкой к волшебнице Добrade, и в ее словах мы безошибочно узнаем молитву православных христиан к Богородице:

К тебе, Добрада, прибегаю:

Покрой меня твоей рукой!

Покрой! – и отжени все страсти,

Мечты, волшебства и напасти... (4, с. 92).

В «Пожарском» показано единодушие и самоотвержение представителей различных слоев русского общества в противостоянии врагу, что и определило

---

¹³ Демин А.О. Оперное либретто Г.Р. Державина «Эсфирь» // XVIII век : сб. 22. С. 358–408.

по Державину исход борьбы за независимость страны и за веру. В самом конфликте и его разрешении выражен взгляд поэта на вопрос о государстве и власти, заявлена идея богоизбранности наследного правления, выражена мысль об ответственности человека за свои дела перед Высшим законом. Неслучайно в заключительном монологе Палицына звучит призыв:

Пойдем теперь во храм усерднейшей мольбою
Хвалу творцу воздать, что спас нас от коварств.
Над властолюбием, над златом, над красою
Победа выше есть, чем покоренье царств! (4, с. 192).

В «Ироде и Мариамне» показана трагическая судьба древнееврейского царского дома в мученичестве Мариамны и гибели невинных детей. Горькое осознание совершенных ошибок – причиной своего собственного несчастья приходит – к царю слишком поздно. Запоздалые муки совести, глубокое и искренне раскаяние возводит Ирода до уровня трагического героя, его участь страшна,

и такой финал пьесы утверждает неизбежность возмездия за совершенные преступления, даже если они были результатом ошибки.

В «Эсфири» действие более лаконично, чем в других пьесах, более явно выражен религиозный конфликт. Мы видим, как истинная и глубокая вера дает человеку силы в противостоянии злу и неверию, помогает обрести гармонию в самом себе. К логическому завершению в либретто были приведены основные проблемы, поднимаемые в творчестве Державина. Важнейший для него вопрос о законе и власти разрешен во многом благодаря наделенному чертами автобиографичности образу Мардохея, полного высоким, поэтическим, философским, «пророческим» лиризмом. В его уста вкладываются тексты сочинений самого автора (вторая ария представляет собой отрывок из оды «Идолопоклонство»).

Лирические и драматические произведения Г.Р. Державина конца XVIII – начала XIX века дают возможность судить о мировоззренческой позиции поэта, выраженной в созданном им образе идеального, совершенного в нравственном отношении героя. Для внутреннего мира героя свойственна внутренняя цельность, бесконфликтность эмоционального начала с духовным, чувственного с разумным. В примирении служения высокой цели и наслаждения земным человеческим счастьем поэт выказывает доверие человеку, не требуя от него аскетического самоотвержения.

Своим позитивным взглядом на человека Державин противопоставляет европейским предромантикам конца XVIII – начала XIX века. Изначальная антиномичность мира, возведенная ими в принцип, определила собой трагичность человеческого существования. М.Б. Ладугин оценивал картину мира, создаваемую европейскими предромантиками, как пессимистическую по причине отсутствия в ней смысла и цели: отрицалось всемогущество разума и ставилась под сомнение способность чувств дать человеку верное представление о мире, утверждалась непознаваемость мира и законов, определяющих его развитие. Мир представлял в творчестве европейских предромантиков в иррациональности законов и проти-

воречивости явлений¹⁴. Картина мира воссоздавалась использованием эстетических средств «фантастического» и «ужасного»¹⁵. Человек был показан непокорным, бунтующим, его страсти – приводящими к нарушению законов нравственности. Для европейского предромантизма характерен образ трагического злодея¹⁶, который находится в поиске и, стремясь разрешить противоречия мира, обращается к силам зла, в результате чего погибает сам или теряет близких людей.

Вл. Луков иллюстрирует предромантическую картину мира примером из «Фауста» И.В. Гёте, где соединены «мир земной и потусторонний», а образ Человека определен страстным поиском идеального существования и обречен на бесконечное стремление к недостижимой цели. Неясность цели и определила его пребывание в духовном тупике. «И век ему с душой не будет сладу, / Куда бы поиски ни привели», – говорит о Фаусте Мефистофель¹⁷. Мятажный дух Фауста обречен на вечное скитание в мире идей, потому что он болезненно тщеславен и эгоистичен, «...требует у неба звезд в награду / И лучших наслаждений у земли»¹⁸.

Идеальному герою Державина чужда внутренняя раздвоенность, телесность в нем не противоречит духовности, и эта гармония обретается в подчиненности страстей высшей Божественной воле. Глубокой верой определяется безупречность нравственного возвышения образов Добрыни, Пожарского, Марьямны, Эсфири, неверием – греховность и, как следствие, преступность Марины и Соломеи. Тщеславие и эгоизм Ирода определяют утрату им внутренней цельности и в итоге духовную и физическую его гибель. Идеальный характер человека определяется в рассмотренных нами произведениях Державина мерой и силой любви. Любовь у Державина созидательна, если освящена свыше и дана человеку духовно зрелому. Устремленность к добру и правде естественна для него в осознании себя перед Богом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александрова, И.Б. Творчество Г.Р. Державина в литературно-философском контексте эпохи [Текст] // Филологические науки. – 2003. – № 2. – С. 3–13.
2. Арефьева, Н.Н. Богословские реминисценции в оде Г.Р. Державина «Христос» [Текст] // Державинские чтения : сб. науч. тр. – Вып. 1. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1997. – С. 35–52.
3. Берковский, Н.Я. Романтизм в Германии [Текст] : моногр. – Л. : Худож. лит., 1973. – 65 с.

---

¹⁴ Ладыгин М.Б. Концепция мира и человека в литературе предромантизма (к вопросу о своеобразии метода) // Проблемы метода и жанра в зарубежной литературе. М., 1982. С. 34.

¹⁵ Там же. С. 40–41.

¹⁶ См. об этом также: Берковский Н.Я. Романтизм в Германии. Л., 1973. С. 159–161 ; Соловьева Н.А. История зарубежной литературы. Предромантизм. М., 2005. С. 34–36.

¹⁷ Луков Вл.А. Предромантизм. М., 2006. С. 141.

¹⁸ Там же.

4. Вальденберг, Н.К. Державин: 1816–1916. Опыт характеристики его мирозерцания [Текст] : моногр. – Пг., 1916. (Тип. В.Д. Смирнова). – 165 с.
5. Великие мысли, кратко реченные [Текст] / Общество святителя Василия Великого. СПб., 2006. – 576 с.
6. Демин, А.О. Оперное либретто Г.Р. Державина «Эсфирь» [Текст] // XVIII век : сб. 22. – СПб. : Наука, 2002. – С. 358–408.
7. Дунаев, М.М. Православие и русская литература [Текст] : учеб. пособие : в 5 ч. – Ч. 1. – М. : Христианская литература, 1996. – 316 с.
8. Записки Гавриила Романовича Державина. 1743–1812 [Текст] / с лит. и ист. прим., [предисл.] П. И. Бартенева ; изд. Русской беседы. – М., 1860. (Тип. Александра Семена). – 502 с.
9. Казакевич, А.А. Концепция человека в «Анакреонтических песнях» Г.Р. Державина [Текст] : дис. ... канд. филол. наук. – М. : Изд-во МПГУ, 1998. – 174 с.
10. Кибальник, С.А. Русская антологическая поэзия первой трети XIX века [Текст] : моногр. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1990. – 269 с.
11. Ладыгин, М.Б. Концепция мира и человека в литературе предромантизма (к вопросу о своеобразии метода) [Текст] // Проблемы метода и жанра в зарубежной литературе : межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 7. – М. : Изд-во МГПИ, 1982. – 177 с.
12. Левин, Ю.Д. История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. – СПб. : Дмитрий Буланин, 1995. – Т. 1. – 314 с.
13. Луков, В.А. Предромантизм [Текст] : моногр. – М. : Наука, 2006. – 683 с.
14. Манн, Ю.В. Динамика русского романтизма [Текст] : учеб. пособие. – М. : Аспект Пресс, 1995. – 384 с.
15. Муравьева, М. Державин и его ода «Бог» [Текст] // Литература. – 2000. – № 19. – С. 11–12.
16. Новый завет Господа нашего Иисуса Христа – М. : Изд-во Сретенского монастыря, 1999. – 560 с.
17. Протоирей Серафим Слободской. Закон Божий для семьи и школы. – N.Y.U.S.A., 1999. – 723 с.
18. Псалтирь в русской поэзии XVII–XX вв. [Текст] : сб. / сост., подгот. текста, вступ. ст. и прим. Б.Н. Романова ; Свято-Троицкая Сергиева Лавра. – М. : Ключ, 1995. – 384 с.
19. Салова, С.А. Анакреонтические мифы Г.Р. Державина [Текст] : моногр. / БашГУ. – Уфа, 2005. – 126 с.
20. Соловьева, Н.А. История зарубежной литературы. Предромантизм [Текст] : моногр. – М. : Академия, 2005. – 272 с.
21. Стенник, Ю.В. Пушкин и русская литература XVIII века [Текст] : моногр. – СПб. : Наука, 1995. – 349 с.
22. Телешова, Н.К. Ода Державина «Бог» и Эдвард Янг [Текст] // Державинские чтения : сб. науч. тр. – Вып. 1. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1997. – С. 28–34.
23. Федосеева, Т.В. Теоретико-методологические основания литературы русского предромантизма [Текст] : моногр. – М. : Изд-во МГОУ, 2006. – 157 с.
24. Эйхенбаум, Б.М. Сквозь литературу [Текст] : сб. ст. – Л. : Академия, 1984. – 279 с.